

Евгений Цепенюк

Первая заповедь дуэлянта

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or letter, located at the top of the page. The text is partially obscured by the circular frame of the drawing below.

Handwritten text in a cursive script, located below the drawing. The text is partially obscured by the circular frame of the drawing above.

Handwritten text in a cursive script, located at the bottom of the page. The text is partially obscured by the circular frame of the drawing above.

Евгений Павлович Цепенюк

Первая заповедь дуэлянта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473249

SelfPub; 2018

Аннотация

Третья заповедь дуэлянта – "Дай себя убить по-настоящему". Вторая – "Не дай себя убить по-настоящему". И здесь нет никакого противоречия: просто на местном диалекте "по-настоящему" и "по-настоящему" – это совсем не одно и то же. Полагаете, так неправильно? Но, как я слышал, у вас на Земле слова убивают. А здесь – метафоры спасают жизни.

Благородный сделал глубокий выпад и замер, предлагая присутствующим оценить изящество позы, и равномерность, с которой солнечное золото разлилось по глади клинка, и ничтожность расстояния между кончиком шпаги и поверхностью туго надутого пузыря. Три мгновения спустя его нога, выставленная слишком далеко, неловко подвернулась. Благородный пошатнулся, картинно раскинул руки, открывая грудь, а затем рухнул ничком. Белый, как девственность, песок арены набух темно-бордовым.

Один из новичков заплодировал, второй благоразумно предпочел дожидаться реакции наставника. Наставник не заставил себя ждать:

– Превосходный пример. Блестящий, я бы сказал, образец. Эталон! Того, как не следует завершать дуэль.

– Ну-ка, – обратился он к осторожному новичку, – напомни старшим товарищам, какова третья заповедь дуэлянта?

– Не дай себя убить по-настоящему! – отчеканил тот.

Наставник недовольно поморщился:

– Это вторая заповедь. А третья такова: дай себя убить по-настоящему. Ясно? Всем, спрашиваю, ясно?!

Студенты, а пуще всех Благородный, согласно закивали: чего ж тут, дескать, неясного.

– А тебе, Благородный, между прочим, полагается лежать замертво, пока зрители не разойдутся.

Благородный покорно плюхнулся обратно в кровавую лужу.

– Ну ладно, – смягчился Наставник, – страстность, по крайней мере, впечатляет. Скажем так, для премьеры сойдет. Так... Свадьба, напоминаю – завтра, дуэль в полдень, торжественное построение в девять ноль-ноль. У Благородного сегодня еще генеральная репетиция с женихом в шесть, остальное время – личное. Все свободны!

Этнограф деликатно дождался, пока Благородный примет душ и переоденется, и лишь затем пристал с расспросами:

– Прошу прощения, но это очень важно. Дело в том, что я, конечно, не специалист в области лингвистики, но у меня сложилось отчетливое впечатление, что на здешнем диалекте общего языка одни и те же слова могут принимать различное, и даже прямо противоположное значение в зависимости от контекста.

Этнограф Максим Петров, вообще-то, был парнем приятным в общении и даже простым – когда он был просто парнем. Но когда ученый сосредотачивался на своей миссии, лицо его стягивала тугая резиновая маска преувеличенной вежливости, а изо рта начинали вываливаться конструкции наподобие вышеприведенной. К счастью, подолгу пребывать в сосредоточенном состоянии он еще не научился.

– Вот, например, словосочетание «по-настоящему»...

– В смысле?.. – Благородный взглянул на часы. Разумеется, не демонстративно. И не украдкой, потому что уже успел убедиться: от пристального внимания исследователя

не ускользают и малейшие нюансы... Так неловко получилось в самом начале, когда этнограф в присутствии Наставника спросил: «Вы сейчас посмотрели на часы, чтобы вежливо дать мне понять, что пора заканчивать разговор?». С этой своей вечной извиняющейся улыбкой...

Впрочем, времени оставалось предостаточно.

– По-настоящему – значит «на самом деле», «взаправду». А у вас разве не так?

– Ну да, конечно, ровно тот же самый смысл вкладывают в эти слова и на моей родной планете. Но ведь тогда получается, что третья заповедь дуэлянта противоречит второй!

– С чего бы это? Во второй заповеди говорится – по-настоящему. А в третьей – «по-настоящему».

– Я, кажется, понял! – обрадовался Максим. – Для моего, пока еще непривычного, уха эти слова звучат как омонимы, а для вашего – совершенно по-разному. Ну, так объясни мне, пожалуйста, что значит «не дай себя убить по-настоящему»?

– Да то и значит, что после того, как тебя убьют и все зрители разойдутся, ты должен подняться на ноги живым и здоровым.

– А «дай себя убить по-настоящему»?

– Это значит, что никто из зрителей не должен знать, что ты на самом деле поддаешься противнику...

– А мне казалось, что об этом все знают.

– А я разве сказал «не знают»? Знают, конечно, но не должны знать. Понимаешь, противник – он же клиент, это

его праздник, а не мой, и он, а вовсе не я, должен быть настоящим героем, победителем...

– «Быть героем» – значит «выглядеть как герой»? Извини, что перебиваю.

– Ничего страшного. Ну да, «быть» – значит «выглядеть». А наставник упомянул третью заповедь потому, что я потянул одеяло на себя. Ну, то есть перестарался, стремясь выглядеть как можно более ярко, эффектно. Привлекал слишком много внимания к своей персоне вместо того, чтобы отвлечь и подчеркивать игру противника. Как если бы художник написал такую красивую картину для столовой, что она притягивала бы к себе все взгляды гостей и тем самым мешала бы им наслаждаться искусством кулинара. Понимаешь? И в итоге получилось, что это я проигрываю потому, что допускаю оплошность, а не противник выигрывает потому, что он объективно сильнее. То есть – не по-настоящему.

В свое время существовало не менее десятка теорий, объясняющих эффект Судакова-Клемешева. С помощью одной из них удалось даже предсказать некоторые весьма интересные явления, наблюдаемые при межзвездных перелетах. К сожалению, ни одна теория не позволила предугадать, что в один прекрасный день эффект вдруг возьмет, да и перестанет действовать, и сотни колонизированных людьми планет окажутся полностью отрезанными друг от друга и от Земли.

Разумеется, не везде и не все восприняли изоляцию как

трагедию. Например, некоторые губернаторы колоний, внезапно обнаружившие свое кресло на самой, что ни на есть, вершине иерархической лестницы. Среди тех, кто не преминал воспользоваться ситуацией в меру своих безмерных амбиций, Верховнейший Правитель Новой Весны не был ни амбициознейшим, ни жесточайшим, ни даже безумнейшим. Увы, но населению планеты сравнивать было не с чем.

Установив абсолютную власть и приняв все возможные меры для обеспечения ее и своей безопасности, Правитель вскоре заскучал. Планета ему досталась благодатная, народ – смирный, соседей не имелось и не предвиделось. Улучшение качества жизни подданных он полагал делом рук самих подданных. Ну вот, разве что – улучшение самих подданных... Эта задачка показалась ему достаточно занимательной.

К поставленной цели вели два пути, и Правитель выбрал оба. Во-первых, он искусственно вернул в общество естественный отбор. Например, претендентам на каждую мало-мальски хлебную должность отныне предстоял суровый экзамен. Включавший сочинение на вольную тему, конкурс красоты и бой без правил.

Аналогичным реформам подверглись практически все общественные институты, сверху донизу: так, поскольку семья – основа государства, то и всякому, собирающемуся вступить в брак, полагалось прежде того доказать свою пригодность к производству здорового потомства. Ни один мужчина не имел права жениться, не сразившись за право

обладать избранницей как минимум с одним соперником, желательно насмерть; и ни одна женщина не могла выйти замуж, если не находилось хотя бы двое желающих рискнуть жизнью ради ее руки и сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.